

Максим Федосов

ПРИКАЗ № 111

Рассказ

Чистый лист лежал в принтере и дрожал. Ещё вчера он почувствовал, что его очередь приблизилась к ужасающему концу: все листы, лежащие снизу, уже отправились в печать.

Последний лист хрустнул под ним ещё вчера.

Принтер, в котором он лежал, — небольшой серый ящик, — включали каждый день, и стопка листов затихала в ожидании удара по кнопке «Print». Принтер гудел, вздыхал, нагревался, затем отчаянно колотя барабанами, вздрагивал, и следом за этим, — очередной лист скрывался в тёмной механической пасти. Затем, вверху, тот же самый лист выстреливал, падая в прозрачный лоток. Он лежал там один, и для него, — листа бумаги, — начиналась новая жизнь.

Что он нёс в мир? Что писали на нём люди? Какая судьба ожидала этот белый клочок бумаги с новыми для него буквами и цифрами — листы не догадывались и не могли знать. Над серым ящиком опускалась человеческая рука, легко вытаскивала «новичка» и в комнате становилось тихо. Шаги удалялись, принтер затихал и лишь большой чёрный ящик с проводами нервно подмигивал красным глазом.

Лист боялся этого ящика, — тот стоял под столом, надрывно гудел, сотрясался стенками и проводами. Но еще больше лист боялся большого человеческого тела, которое каждое утро плюхалось в кресло, нервно вздрагивая руками и ногами. Слышались стоны, непонятное мычание, звонки телефонов, затем громкий смех, переходящий в крик и где-то за окном — стук трамвая. Пухлые руки лезли под стол, больно дёргали за провода, словно пытаясь оторвать непослушные детали. Несколько раз видел он, как огромные острые туфли отчаянно били по чёрному ящику, — лист чувствовал, как тот вздрагивал от удара. Потом становилось темно, лист съёживался, чувствуя на себе взгляд «красного глаза» и казалось ему, что именно этот немигающий глаз и есть главный центр этой полутёмной комнаты.

Сейчас кнопки клавиатуры щёлкали ещё быстрее, — словно пулемётной очередью вылетали из клавиш Пэ, эР, О, Ша, У... «прошу принять во внимание». Толстые пальцы падали на желтеющие клавиатурные кнопки, которые остро помнили запах прошлогодних духов, горечь пролитого кофе, слёзы и даже запах роз, подаренных на день рождения.

Очереди, очереди... Порою быстрые и крепкие, затем одиночные

выстрелы... Потом как будто дрожащий палец на курке: долго метится и несмело попадает. Вот оно, крайнее «Ё», а вот, — твердый знак! Бах! Клавиатура вздрагивает всем своим пластмассовым телом, слегка ёрзая по столу. Буквы вмутном свете белого монитора наполняют страницу, ложась рядышком, аккуратно, словно пули одинакового калибра, одна за одной...

Одна за одной.

Маленькая точка завершает этот неведомый бой.

Вздрагивает принтер, наступает очередь листа...

Острые щупальца захватывают края листа и тащат в темноту, обжигая лазерным барабаном. Темно и горячо.

Текст официального приказа – не анекдот и не сочинение: строгая сухая канцелярщина выжимает весь смысл из написанного, оставляя лишь сухой остаток. Настолько сухой, что читать такие «произведения» неинтересно и скучно. Даже те, кому эти приказы «приказывают» пробегают лист по диагонали, выискивая глазами ответы на вопрос – «кого» и «куда».

Больно резали глаза слова «реорганизация», «сокращение» и чуть дальше, – цифры, – то ли квадратные метры, то ли люди.

Скучно читать: «расформировать институт» ...

И дальше длинное и сложное название.

Здание института переходит на баланс другого ведомства... Тоже с длинным и непонятным названием. И в конце что-то мелко о людях... *Сто одиннадцать человек*, — три палки, словно колья в невидимом заборе. Тоже, на какой-то баланс. «Обеспечить» — звучит обещающе, вселяет надежду. «За счет средств бюджета».

Но сухо... Сухо.

Листположили в тонкую папку и понесли.

Дрожь не проходила: ещё свежи были ощущения горячих барабанов, – это нестерпимое и горькое жжение, твердость и упругость краски, присохшей к нему в виде маленьких, еле заметных букв. Но... всё было позади. Легкий ветерок, запахнутые двери, стук каблуков, паркет, затем — мягкие ковровые дорожки, внезапно съевшие все звуки...

И тишина вокруг.

Бледные стены, мутный свет пыльных ламп.

Он лёг на кожаную поверхность дорогого стола, рядом с другими бумагами. Толстые влажные пальцы подхватили его, пытаясь выпрямить упругое белое пространство, внимательно и тихо побежали по строкам усталые воспалённые глаза за большими очками... Послышался глубокий вздох, кресло отъехало от стола, затем лист снова лёг на стол.

Через минуту — звонок.

— Да. Да, он у меня. Да, я помню. Хорошо. Я подпишу, подпишу.

Заскрипела толстая чернильная ручка.

Листвздогнул, изогнулся, стерпел.

Опять чьи-то руки, на этот раз мягкие, тонкие пальцы, опять куда-то несут. Вдруг мягко обволокла темнота, — мягкое дно портфеля, толстые книги, бумаги, тепло и сухо. До него доносятся обрывки фраз, дым сигарет и кислый запах бензина. Машина тронулась, — наконец-то поехали! Обрывки фраз стали тише, все звуки, кроме мерного урчания мотора оборвались и остались позади.

Лист не может думать, он может лишь чувствовать, принимать то, что на нём изобразят или напишут — и потом он обреченно живёт с этими цифрами, буквами, надписями и картинками... Порою живёт долго, успевает пожелтеть и выцвести, постареть в заброшенной папке архива, утонуть в пыли библиотек. Или, — наоборот, — живет ровно три секунды, пока автор, удерживая мысль, одевает её в буквы, затем комкает лист, и вот — принимая форму незрелого шара, он летит в мусорную корзину, падая в неизвестность. Или рукописью целого тома торжественно сгорает в печке дорогого камина. Или хрустит под ножницами, принимая форму снежинки, радуя глаз юной феи. Жизнь листа бумаги полна томлящей обречённости.

Вдыхая прелый запах старого портфеля лист ощущал эти три палки — цифры, чувствуя, что речь пойдёт о людях, о тех, кто будет читать его, трогать его, видеть его. Он предвкушал внимание к себе, дрожь устремленных на него глаз, он готовился стать центром внимания, распрямлялся и наливался торжественностью момента.

Лист ощущал, что стал Приказом.

Яркий свет словно вспорол портфель — его вытащили, кому-то показали. Строгий чёрный автомобиль, ослепительный блеск вычищенных дверных ручек. За высоким металлическим забором, выкрашенным в мутно-чёрный цвет, одиноко возвышалось семиэтажное здание. Серое, с бурыми, местами бесцветными стенами, на которых были видны следы недавнего и нелепого ремонта — что-то покрасили, заделали, замазали. Окна с горшками таких же нелепых бледно-зеленых растений, а в окнах сотни внимательных глаз смотрят на него, на Лист с Приказом. Глаза как будто буравят стёкла, сдвигают горшки, открывают застарелые форточки, пытаются разглядеть написанное мелким шрифтом. Сотни сотрудников института чувствовали, знали, незримо готовились к Приказу, ощущая эти бесконечные «победоносные» реформы все ближе и ближе.

И вот — все реформы приехали на одном Листе.

Рядом тарахтел старый бульдозер, — закапывали траншею. Звук

моторапоходил на выстрелы из старого пулемёта, слегка напоминаяему недавние щелчки пожелтевших компьютерных клавиш, — они отзывались в Листе страшными «стреляющими»воспоминаниями. За бульдозером не было слышно, что этот грохочущийстреляющий звук — не что иное, как настоящий ведомственный бой за это серое, старое семиэтажное здание в центре столицы.

И этот многолетний бой был выигран сегодня окончательно.

А Лист — всего лишь победный флаг одних.

Он же —и печальный протокол поражения других.

Ступени, лестницы, громкое эхо длинных коридоров, запах курилок и столовых, скрип старых дверей и наконец, — снова стол, простой, деревянный, с зелёной лампой, грудой газет и журналов, грубые старческие руки, воспалённые глаза, очки, небритое лицо, разговоры в накуренной комнате.

Это был кабинет директора института. Собрались только свои: кто был рядом на протяжении многих лет. Семь печальных лиц руководителей отделов встречали Приказ вздыхая и недоуменно пожимая плечами. Все молчали, передавая его из рук в руки, читали каждое слово и снова вздыхали. Говорить было не о чём.

Лист ощущал густоту чувств, скопившуюся в комнате. Взгляд многих был направлен на закрытое окно, как единственное светлое место в этомкабинете.Переглядываясь с коллегами, присутствующие снова и снова глазами возвращались в окно. За окном набухало серостью и влажностью вечернее московское небо,в бетонных берегах плескалась река, шумел порывистый ветер, подгоняя мокрую листву, где-то в глубине машин раздавались злобные гудки и тархтел забытый кем-то бульдозер. Но даже там, за окном, серость и унылость пейзажа манила теплым телевизионным экраном и обещаланекоторую надежду.

Директор встал, прошёлся по комнате: говорить было больно. Он открыл окно настезь, шум стал резче и отчётливее, пахнуло стылым запахом реки.

Отхлебывая чай из яркой чашечки с блюдцем, замдиректора по кадрам заговорила первой, — ей все равно нужно было работать ещёполгода, чтобы провести под сокращение весь штат. Она пыталась успокоить коллег, говорила что-то о компенсациях для людей, о выслугах, о пенсиях, о реформах, которые коснулись...

Её никто не слушал.

Директор снова сел в кресло, пытаясь расслабиться.

Звонок телефона стал неожиданным для такой напряженности, кто-то неудобно подвинулся, чашечка с блюдечком полетела вниз, — разбилась. Побежали за секретарём, чтобы убрать. Через минуту кто-то побежал ещё раз, чайное пятно, словно ртуть,застылона побледневшем линолеуме рядом с яркими осколками.

Через полчаса директор остался в одиночестве.

— Ну вот, и не найдешь теперь никого... — он выглянул из кабинета, сводя густые брови. Спустился по лестнице и долго в тишине здания стояли звуки его шагов.

Прошло ещё какое-то время.

Уже подступала вечерняя и сырая московская мгла, ветер усиливался, потоки машин превращались в яркий и многоцветный кисель. Приказ лежал на столе. Думать он не мог, а чувства начали его подводить. Ещё днём он верил, что будет кому-то нужен, что будет встречен не унылым молчанием в тиши прокуренного кабинета, а торжественными речами, которые обязательно должны были произносить люди в белых костюмах. Он надеялся, будут петь позолоченные трубы, мелькать яркие флаги...

Внезапно его подхватил порыв ветра, ворвавшийся через открытое окно. Лист не мог удержаться, его понесло сначала в сторону кресла, затем обратно — на стол, потом его подхватил сильный порыв ветра: он кувыркнулся, ударился об подоконник и следом, — выпорхнул из распахнутого окна, словно крылья без птицы.

Ветер нёс его над серым и грязным асфальтом, над выкрашенным черным забором, над тарахтящим до сих пор бульдозером, над шоссе, в котором топтались автомобили, и снова — над тротуаром, над рекой... Его поднимало все выше и выше, — он чувствовал приближение площадей с громкими трубами и яркими флагами, он чувствовал, что где-то там, за высокими и красивыми зданиями у него будет другое, настоящее предназначение, — он принесёт людям радость, счастье, ослепит всех своей белизной и донесет смысл, скрытый в тексте.

Но он был всего лишь Приказом. Может быть, понимая смысл, он бы попытался смыть с себя эту болезнь, — этот текст, написанный на нём. Но он не понимал. И теперь летел куда-то, гонимый ветром, ожидая своей настоящей судьбы.

Ветер стих также резко, как и начался.

Лист еще какое-то время медленно планировал на воздушных потоках над рекой, затем перевернувшись, сорвался в штопор и упал на воду. Никто не видел его, — люди за высокими бетонными берегами, сутулясь, спешили с работы домой, и никому не было до него дела.

Зажглись фонари над набережной и всем стало понятно, что скоро будет ночь, а за ней начнется новый день, и что жизнь продолжается.

Впереди по руслу протяжно загудел теплоход, просигналил в незнакомые наступающие сумерки. Он приближался и уже были видны на нём радостные

лица людей, ярко одетых, видимо по случаю неизвестного городу праздника. Наверху, на капитанском мостике стоял человек в белом костюме и внимательно провожал глазами здание, из окна которого несколько часов назад вылетел одинокий лист. Он смотрел на здание с видом победителя и лишь только здание осталось за кормой теплохода он поднял руки и громко крикнул:

— Вот оно! Именно это здание будет нашим новым офисом! Офисом великой компании! Мы верили в это! Мы шли к этому много лет! И вот сегодня...! — он сделал паузу, все танцующие на площадке теплохода затихли и повернулись к нему, — сегодня наконец-то вышел приказ о расформировании этого... бесполезного института. Теперь это здание наше! Для нас наступают новые времена!

Человек в белом костюме высоко поднял бокал и выпил.

Лист уже не видел этого белого костюма и не понимал слов.

Теплоход медленно проплывал мимо негои лишь только громкая музыка, это какое-то дикое бубуханье ещё несколько минут тревожило лист. Затем этот сияющий праздник жизни скрылся за поворотом реки, сигналив красным фонарем на корме.

А лист ушёл на дно.

Лишь распахнутое черное окно в том самом здании ещё долго зияло открытой рамой, словно дыра от удара крупнокалиберного заряда.

А затем наступила ночь...